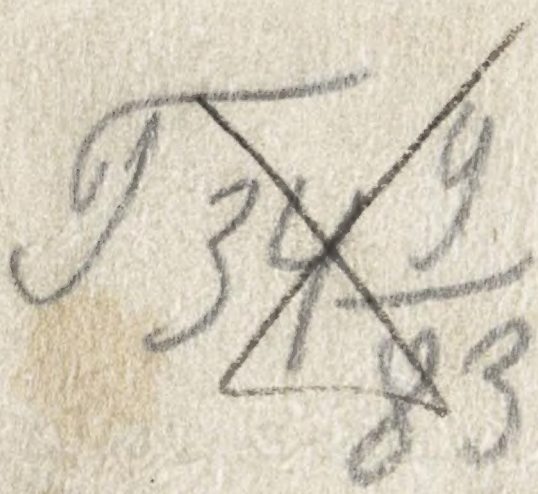
ОИК
XVIII в. оси.

ЧЕТЫРЕ ГОДА
ЖИЗНИ
КНЯГИНИ К***.



ЧЕТЫРЕ ГОДА
ЖИЗНИ
КНЯГИНИ К***,
ИЛИ
ОБРАЗЕЦЪ
СУПРУЖЕСКОЙ
ВѢРНОСТИ.

Справедливая Исторïя,
посвященная
чувствительнымъ
сердцамъ.

МОСКВА.
УКнигопрод. *Ф. Куртенера.*
1795.

Съ Указнаго дозво[illegible]я.

[illegible]
[illegible]
Инв. № 373217
[illegible] 193 г.

Отъ Издателя.

Случай доставилъ въ мои руки сію теперь мною издаваемую исторію. Года съ два тому назадъ, нашелъ я ее рукописную между книгами, которыя отъ незнакомаго мнѣ человѣка, получилъ въ обмѣнъ на другія. Въ рукописи не было заглавія, а вмѣсто того приложенъ былъ силуетъ женской, съ подписью нѣсколькихъ словъ, которой я храню у себя, какъ залогъ священный, для возвращенія

тому, отъ кого получилъ манускриптъ, естьли онъ его когда нибудь потребуетъ назадъ. Нужнымъ почелъ я для нѣкоторыхъ причинъ выпустить годы и числа всѣхъ произшествій. Публика рѣшить должна, хорошоль или худо сдѣлалъ я, что издалъ сію исторію. Желаніе мое было только то, чтобъ добродѣтель не осталась безъизвѣстною.

К.

ПРЕКРАСНОМУ

ПОЛУ.

ВАМЪ.

Всякая чувствительная, нѣжная душа, которой мила, любезна добродѣтель, конечно полюбитъ нашу Княгиню. — Вотъ для того я желалъ Вамъ, Сударыня, посвятить Четыре года жизни ея. —

Въ исторіи этой любезной женщины, бывшей образцомъ супружеской вѣрности, *изображается собственная ваша чувствительность и добродѣтели, вашему полу свойственныя.*

К.

ОБРАЗЕЦЪ
СУПРУЖЕСКОЙ
вѢрности.

Седмь лѣтъ уже прошло, какъ Князь и Княгиня К*** соединены были бракомъ. Во все это время жили они въ совершеннѣйшемъ согласіи, и взаимная нѣжность составляла счастіе ихъ жизни. Любовь и

почтенїе столько же споспѣшествовали къ ихъ союзу, какъ и равенство состоянїй и богатства. Князь имѣлъ всѣ свойства любви достойнаго мужа, а Княгиня все то, что можетъ лестно быть для супруга.

Шестилѣтнїй сынъ еще тѣснѣе связывалъ прїятный ихъ союзъ. Вообще казалось, что ничѣмъ не можетъ быть нарушено такое блаженство, какъ нечаянной случай доказалъ, что въ здѣшней жи-

зни нѣтъ счастїя безъ помѣхи, нѣтъ пріятства безъ горести.

Княгиня была набожна, и въ честь себѣ поставляла съ ревностїю исполнять всѣ Христїанскїя должности; почему и не пропускала никакого праздничнаго дня, безъ особеннаго къ оному приготовленїя.

Въ среду Страстной недѣли, въ пятомъ часу по полудни, поѣхала она на исповѣдь въ приходскую

свою церковь. Духовникъ ея былъ весьма достойный священникъ, которой пріобрѣлъ такое почтеніе, что всѣ его прихожане имѣли къ нему совершенную довѣренность. Пріѣхавъ въ церковь, нашла она тамъ столько людей, что рѣшилась отослать карету и людей домой, приказавъ пріѣхать черезъ два часа. Притомъ велѣла попросить Князя, чтобъ онъ заѣхалъ самъ за нею, естьли ему время будетъ.

Въ седьмомъ часу поѣхалъ Князь въ церковь, гдѣ въ то время никого уже не было, кромѣ Княгини, которая исповѣдывалась. Она считая себя съ отцомъ своимъ духовнымъ наединѣ, говорила громче обыкновеннаго. Одна только свѣча горѣла предъ налоемъ. Князь, нѣсколько времени дожидавшись, подошелъ поближе къ тому мѣсту, гдѣ была его супруга, и могъ услышать, какъ она говорила слѣдующее:

„Такъ, батюшка, молодой
„тотъ человѣкъ былъ очень
„хорошъ, и въ цѣлые шесть
„мѣсяцовъ всякой день былъ
„онъ по нѣскольку часовъ
„въ уборной моей комна-
„тѣ, дожидаясь тамъ бла-
„гопрїятнаго для любви
„его часа. Ввечеру во вре-
„мя ужина, горнишная моя
„дѣвушка проводила его
„всегда чрезъ потаенную
„лѣстницу изъ моей гар-
„деробной. Я дѣвушку со-
„слала въ деревню, и по
„той самой причинѣ не

„хотѣла мужу моему ска-
„зать, за что я ее сосла-
„ла. . . .„ При этихъ сло-
вахъ Князь думалъ, что до-
вольно уже слышалъ для
удостовѣренія своего, что
Княгиня ему была невѣр-
на; гнѣвъ его, не взирая на
святость мѣста, доходилъ
до такой степени, что онъ
уже не могъ воздержаться
и схватилъ свою шпагу,
какъ вошелъ дьячекъ съ
ключами. Князь опомнил-
ся, содрогнулся отъ того,
что хотѣлъ было сдѣлать,

и рѣшился уѣхать скорѣе.

Пріѣхавъ домой, послалъ карету за Княгинею. Разныя мысли его тревожили и приводили въ крайнее замѣшательство. Сердце его терзаемо было силою любви его и желаніемъ отмщенія. Никогда не чувствовалъ онъ столько нѣжности къ супругѣ своей, какъ въ ту самую минуту, когда желалъ ее ненавидѣть, и внутренняя борьба, происходившая въ серд-

цѣ его, причиняла ему нестерпимое мученїе.

Наконецъ рѣшился написать записочку, на которой были только эти слова: *Я на недѣлю или на двѣ ѣду въ деревню.* Онъ приказалъ по возвращенїи Княгини отдать ей эту записку; потомъ тотчасъ вышелъ изъ дому одинъ пѣшкомъ, нанялъ лошадей и поѣхалъ въ свою деревню, въ шестидесяти верстахъ отъ М***. Тамъ жилъ только прикащикъ

и садовникъ съ своими семьями. По прибытіи своемъ туда, велѣлъ изъ ближняго города позвать работниковъ, которые къ окнамъ заднихъ комнатъ дома придѣлали желѣзныя рѣшетки. Когда это было готово, то увѣдомилъ онъ Княгиню о мѣстѣ своего пребыванія и приказывалъ ей туда пріѣхать.

Княгиня по возвращеніи своемъ изъ церкви домой, приведена была въ немалое удивленіе, по прочте-

нїи прежней записки ; но строгой слогъ письма весьма ее опечалилъ. Съ того времени , какъ уѣхалъ Князь , не имѣла она спокойствїя, не ради себя, но ради своего супруга , думая , что ему случилось что нибудь досадное, отъ чего онъ былъ въ такомъ худомъ расположенїи духа, и потому тотчасъ поѣхала къ нему.

Пріѣхавъ въ деревню, не мало удивилась, что Князь ее не встрѣчаетъ. Она спра-

шивала объ немъ. Ей сказали, что онъ ожидаетъ ее въ приготовленномъ для нее покоѣ. Она туда спѣшитъ. Увидя его, примѣчаетъ пасмурность на лицѣ его. Сожалѣнїе и нѣжность извлекаютъ слезы изъ глазъ ея. Ахъ! что тебѣ сдѣлалось, другъ мой! говорила она, подходя къ нему и желая его обнять. Онъ оттолкнулъ ее, говоря ей, вы сами знаете, сударыня; при чемъ взглянулъ на нее страшнымъ

взоромъ. Боже мой! другъ мой, отвѣчала она съ кротостію, я ничего не знаю. Князь взбѣсился, примѣтя чистосердечіе и невинность, изображенныя на лицѣ ея. Вы чудовище, говорилъ онъ; притворная ваша невинность меня не обманетъ: вотъ тюрьма ваша, (показывая ей рѣшетки); здѣсь должны вы проводить жизнь, которой я не отваживаюсь лишить васъ. Сказавъ сіе, спѣшилъ онъ къ дверямъ. Ты и не

думаешь, Князь, пощадить младенца, котораго я ношу подъ сердцемъ. (Она была въ пятомъ мѣсяцѣ беременности своей). Слова сіи усугубили гнѣвъ ея супруга, которой, разсердясь, говорилъ ей: погибнуть долженъ этотъ младенецъ, стыдъ фамиліи моей и свидѣтель безчестія твоего! . . . —— Въ тоже самое время затворилъ онъ за собою дверь и заперъ ее двумя замками. Самъ заперся въ отдаленной ком-

натѣ, размышляя о печальной судьбѣ своей и оплакивая мнимое свое несчастїе.

Княгиня изумилась и болѣе часа напрасно думала, вЪ чемЪ она проступилась. НаконецЪ стала плакать. Первыя слезы проливала она за супруга своего: онЪ меня почитаетЪ виновною, говорила она сама себѣ; онЪ меня не любитЪ; о какЪ онЪ жалокЪ! —— ПотомЪ оплакала своего сына, которой тогда лишенЪ былЪ

ея попеченїй, ея ласки. Также и нерожденный еще младенецъ былъ предметомъ ея сокрушенїя. Вспомня послѣднїя слова своего супруга, содрогнулась и залилась слезами. Какихъ еще насчастїй должна я ожидать, думала она про себя! Дитя мое сдѣлается жертвою заблужденїя отца своего! Должно ли дойти до того, чтобъ я желала, дабы истинна оставалась сокрытою для избавленїя нѣжнаго моего су-

пруга отъ печальнаго отчаянїя, или долженъ онъ въ наказанїе своей ошибки быть несчастливъ во всю жизнь свою? . . .

Разныя мысли такого рода мучили ее безпрестанно нѣсколько дней, по прошествїи которыхъ она предала волѣ Божїей судьбу своего супруга, свою собственную участь и дѣтей своихъ, и тогда рѣшилась терпѣливо сносить всѣ страданїя, будучи увѣрена, что провидѣнїе Божїе

управляетъ всѣми случаями въ жизни нашей, и обращаетъ ихъ къ пользѣ нашей временно или вѣчно.

Въ таковомъ расположенїи находилась она, какъ Князь опять въ М*** поѣхалъ. Онъ оставался нѣсколько дней въ деревнѣ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать дальнѣйшїя распоряженїя въ разсужденїи заключенїя своей супруги. При отъѣздѣ своемъ велѣлъ спросить ее, не имѣетъ ли она еще въ чемъ надобности. Она

отвѣчала: что ей ничто не нужно, кромѣ сердца своего супруга, и пока она опять не пріобрѣтетъ его, то не можетъ ничего иного желать. Князь слышалъ этотъ отвѣтъ, но его не уважилъ.

Тюрьма Княгинина была въ первомъ жильѣ и занимала два покоя, въ которыхъ окны были загорожены желѣзными рѣшетками, а видъ имѣли на задній дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ. Тутъ дол-

жна была она, имѣвъ двад-
цать четыре года отъ ро-
ду, проводить въ печали
дни свои. Незнакомая ей
женщина опредѣлена была
къ ея услугамъ, которая
подавала ей пищу сквозь
отверстіе, въ двери сдѣ-
ланное, и такимъ же обра-
зомъ принимала отъ нее,
что ей не нужно было; для
чего и привѣшены были ко-
локольчики внутри и сна-
ружи, чтобъ подавать
знакъ, когда что надобно.

Въ тюрьмѣ же Княгиня принуждена была все дѣлать сама, и во время беременности ея, для нее было очень тягостно то, чтобъ самой справлять свою постель. При таковой работѣ, опасаясь сдѣлать вредъ младенцу, часто отдыхала. Послѣ родовъ, это самое и другія неболшія работы служили ей для провожденія времени; ибо она принуждена была все свое вниманіе употреблять на то, чего дѣлать не при-

выкла, и потому имѣла разсѣяніе въ своихъ страданіяхъ.

Между тѣмъ, когда Князь пріѣхалъ домой, то душа его мучилась попеременно печаліею, скукою, жалостію, гнѣвомъ, любовью и мщеніемъ. Онъ не могъ изъяснить, что чувствовалъ къ супругѣ своей. Вспомня кротость, терпѣніе, спокойствіе, съ каковымъ она сносила его упреки, находилъ себя жестокимъ: но вспомня слова,

которыя она выговаривала своему духовнику, почиталъ себя слишкомъ милостивымъ; и это чувство всегда имѣло верьхъ и укрѣпляло его въ намѣренїи оставить ее на всю жизнь въ заключенїи.

Всякой мѣсяцъ ѣздилъ онъ въ деревню, дабы узнать, исполняются ли въ точности его приказанїя. Первое его дѣло тамъ было то, чтобъ итти къ дверямъ и велѣть Княгинѣ сказать, что онъ прї-

ѣхалъ. Голосъ ея, когда она отвѣчала, трогалъ его сердце и причинялъ ему особенную радость, которая тѣмъ и кончилась.

Она никогда не знала, что онъ такъ близко у нее находится; всегда спрашивала о здоровьѣ ихъ сына, и когда ее о томъ увѣдомляли, то вздыхаючи отходила.

Князь всегда проживалъ съ недѣлю въ деревнѣ. При отъѣздѣ своемъ приказывалъ о томъ сказывать

Княгинѣ, и спросить ее, не имѣетъ ли въ чемъ нужды. Но она никогда не требовала, кромѣ необходимаго.

Приближаясь къ родамъ, просила она позволенія у Князя повидаться съ нимъ; ибо онъ въ то самое время былъ въ деревнѣ; въ чемъ онъ ей однакожъ отказалъ. Тогда просила, чтобъ ей дали, по крайней мѣрѣ, бумаги и чернилъ, дабы могла къ нему писать; но и въ этомъ от-

казалъ онъ ей. Напослѣдокъ вздумала она писать къ нему совсѣмъ особеннымъ образомъ: взяла бѣлой носовой платокъ, и вышила по немъ синимъ шелкомъ слѣдующія слова:

Я приближаюся къ родамъ, любезнѣйшій другъ; можетъ быть рожденіе младенца будетъ конецъ моей жизни. Кто нибудь завидуя нашему счастію, захотѣлъ клеветою разрушить оное: но истинна не всегда скрыта будетъ; ра-

но или поздно обнаружится она въ полномъ своемъ блескѣ. Тогда сердце твое терзаемо будетъ прискорбнымъ раскаяніемъ и мучительными упреками. Каково же будетъ тогда твое положеніе, . . особливо, когда я буду въ могилѣ и не въ состояніи тебя утѣшать? Въ ту страшную минуту все обнаружится. Тогда, любезный Князь, занимайся только пристиною, побудившею тебя къ тому; но не думай о томъ, ка-

кимъ образомъ ты со мною поступилъ. Я терплю: но не потеря свободы, а потеря сердца твоего меня трогаетъ. Однакожъ и самая суровость твоя для меня прїятна; гнѣвъ твой служитъ мнѣ доказательствомъ въ твоей любви: чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ болѣе чувствую я, что ты меня любилъ. Таковое увѣреніе услаждаетъ мои страданія. Какъ славно будетъ для меня то, когда я доживу до того времени, въ

которое ты вышедъ изъ твоего заблужденія, скажешь мнѣ, что я твердостію моею оправдала твою любовь! Какое мужество придаетъ мнѣ такая надежда! . . .

И такъ, любезный мужъ! въ разсужденіи меня ты никогда не будешь мучиться раскаяніемъ; но старайся избавиться отъ другаго раскаянія; младенецъ, котораго я рожу, принадлежитъ тебѣ; въ томъ клянусь тебѣ всѣмъ, что есть

свято. Я трепещу, вспоминая послѣднія твои слова о толь; знаю твое сердце: естьли ты лишишь его твоей родительской любви, то какія муки приготовишь ты себѣ! Какъ я сожалѣю о тебѣ уже теперь! По крайней мѣрѣ, естьли ты пребываешь въ своемъ заблужденіи, то будь столько человѣколюбивъ, чтобъ пощадить невинное твореніе, которое ты рано или поздно признаешь своею кровью.

Позволь мнѣ здѣсь представить тебѣ о надобностяхъ моихъ. Беременность дѣлается мнѣ тягостною; цѣлую уже недѣлю ложусь я спать на неисправленную постель. Когда не смѣю просить тебя изъ любви, то прошу, чтобъ ты изъ милосердїя далъ мнѣ кого нибудь, ктобъ могъ мнѣ прислуживать въ томъ, чего я сама дѣлать не въ состоянїи. Также прошу тебя приказать подать мнѣ при родахъ нужную по-

мощь. Прости, цѣлую тебя.

Князь не былъ уже въ деревнѣ, когда это письмо было готово. Княгиня принуждена была просить свою стряжиху, чтобъ она переслала его къ Князю въ М***. Онъ едва раскрылъ письмо, какъ его взбѣсила такая выдумка. Не читавъ письма, заперъ его въ своемъ бюро, а потомъ сѣлъ и написалъ къ Княгинѣ слѣдующее:

Я исправно получилъ твое письмо, хитрая выдумщица; однакожъ не читалъ его. Конечно знаю, что ты терпишь нужду во многомъ! . . Естьлижъ ты такимъ же образомъ писала къ твоему любовнику, то я узнавъ о томъ, не оставлю тебя наказать.

Изъ такого отвѣта Княгиня видѣла, что Князь не читалъ ея письмо, и что онъ крайне разсерженъ. Она печалилась, вздыхала и рѣшилась мол-

чать, предавъ себя во всемъ во власть Божїю. Она просила только сторожиху свою отписать къ Князю, что она приближается къ родамъ, и потому проситъ доставить ей нужную помощь въ такомъ случаѣ, и напередъ бы далъ ей кого нибудь для переправленїя ея постели.

Князь прочитавъ письмо той женщины, почувствовалъ сожалѣнїе и нѣжность къ Княгинѣ; упрекалъ себѣ, что не пред-

упредилъ ея нужды, и тогда немедленно сѣвъ въ коляску, поскакалъ въ деревню. По пріѣздѣ своемъ туда, первое его стараніе было впустить въ комнату Княгини прикащикову жену, которая бы могла ей прислуживать при родахъ. Но при всемъ своемъ сожалѣніи не хотѣлъ онъ видѣть Княгиню.

Онъ пробылъ въ деревнѣ до того времени, когда Княгиня родила. Нѣсколько дней передъ тѣмъ на-

писалъ онъ слѣдующую записочку, которую со всѣми ей для написанія ошибка нужными вещьми, сквозь окошко велѣлъ подать Княгинѣ. „*Прошу васъ, сударыня, написать здѣсь имя отца вашего младенца, а я не хочу, чтобъ онъ моимъ именемъ назывался.*

Княгиня написавъ имя своего мужа, прибавила еще: *Вотъ имя отца того младенца; имя человѣка мною любимаго, котораго я всегда одного любила, во*

всю жизнь мою любить буди, и котораго никогда не обманывала.

Такой отвѣтъ тронулъ Князя; но разсмотря болѣе свое чувство, почелъ его слабостію и истребилъ. Потомъ говорилъ онъ Княгинѣ у дверей, что проситъ ее, *изъ любви къ сыну своему*, не лишать его принадлежащаго ему имѣнія, когда придастъ ему незаконно рожденнаго брата или сестру. Княгиня отвѣчала съ кротостію и

твердостїю, что онъ одинъ отецъ младенца, и что она справедливость сихъ словъ до конца жизни своей утверждать будетъ. Князь, разсердясь, ушелъ и черезъ нѣсколько дней впустилъ къ Княгинѣ повивальную бабку, дабы она была тамъ на всякой случай.

Спустя немного времени Княгиня родила дочь. Князь, будучи обо всемъ увѣдомляемъ, приказалъ ее тотчасъ принести къ нему. Потомъ сѣлъ въ ко-

ляску и повезъ дочь свою въ село Н * * *, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его деревни, гдѣ жилъ знакомой ему священникъ. Пріѣхавъ туда, велѣлъ сыскать кормилицу. Нашлась одна, которая жила въ крайней бѣдности. Князю это тѣмъ лучше показалось, и онъ даже выговорилъ, что почтетъ счастливымъ случаемъ, естьли дѣвочка умретъ. Вмѣсто облегченія бѣдности добрыхъ тѣхъ людей, онъ назначилъ са-

мое малое содержанїе ребенку и плату кормилицѣ, говоря, что не признаетъ ее своею дочерью, и хочетъ, чтобъ она воспитана была, какъ крестьянская дѣвка.

Теперь должно было ее окрестить. Священникъ совершилъ сїе таинство, и былъ самъ воспрїемникомъ съ сестрою своею, живущею у него. Не смотря на предразсудокъ Князя и гнѣвъ его, священникъ имѣлъ столько власти надъ нимъ, что онъ согла-

сился дочери дать свою фамилїю; ибо онъ представлялъ ему, что не только честь Княгини, но и собственная его слава того требуетъ, присовокупя къ тому, что естьли ему быть воспрїемникомъ сего младенца, то желаетъ онъ, чтобъ Князь, по крайней мѣрѣ, въ книгѣ признялъ ее своею дочерью. И такъ Князь хотя и далъ ей свое имя, но лишилъ своего сердца, и ненависть его къ сей бѣдной дѣвочкѣ

была столь велика, что онъ никогда не удостоивалъ ее своимъ посѣщенїемъ во всѣ три года и три мѣсяца, которые она находилась у своей кормилицы. Онъ всегда приходилъ въ великой гнѣвъ, когда ему говорили объ ней, и деньги за содержанїе ея платилъ всегда черезъ священника. Теперь возвратимся къ Княгинѣ.

Она видя, что дочь ея отдана будетъ ея мужу, то взявъ ее на руки, раз-

цѣловала ее и плакала; послѣ чего отдала ее, не говоря болѣе ни слова. При всемъ своемъ сокрушенїи сносила терпѣливо участь свою, и по возможности была въ добромъ здоровьѣ. Супругъ ея и послѣ родовъ жилъ еще въ деревнѣ: а черезъ нѣсколько времени велѣла она ему сказать, что находится уже въ такомъ состоянїи, что можетъ обойтися безъ той женщины, которая находилась у нее для услугъ;

однакожъ онъ столько почтенія имѣлъ къ ней, что самъ того требовалъ, чтобъ она оставила ее еще при себѣ до шести недѣль; послѣ котораго времени Княгиня осталась опять одна, и должна была дѣлать все сама.

Прикащикова жена, вышедъ отъ Княгини, пошла къ Князю: „Ахъ, Ваше Сіятельство! говорила она, „какого почтенія достойна Княгиня! Она по свое-

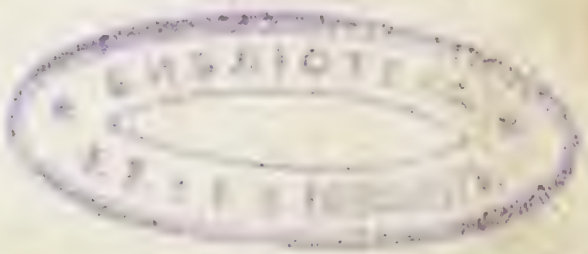
„спи кажется ангеломъ.
„печаль ее сокрушаетъ, и
„шутъ она ни слова про-
„тивъ васъ не говоритъ;
„но еще напротивъ, когда
„я жалѣла иногда объ ней,
„говорила она мнѣ: *не жа-*
„*лѣй обо мнѣ, а жалѣй о*
„*мужѣ моемъ; онъ тер-*
„*питъ болѣе, нежели я.*
„Она не пропуститъ пяти
„минутъ не вздыхаючи, а
„при всемъ томъ съ виду
„она спокойна, и невин-
„ность примѣтна изъ глазъ
„ея. О! Ваше Сіятельство!

„Княгиня невиновата; от-
„вѣчаю моею головой за
„нее. Ее оклеветали, а
„васъ обманули; можетъ
„быть узнаете вы это
„тогда, когда уже будетъ
„поздно; ради самихъ се-
„бя подумайте о томъ,
„Ваше Сіятельство!„

Князь тронутъ былъ си-
ми словами; но вдругъ
вспомня исповѣдь Княгини,
преодолѣлъ чувство сожа-
лѣнія, и говорилъ этой
женщинѣ, что она о его
поступкѣ можетъ думать,

что хочетъ, но приказываетъ ей, чтобъ впередъ о томъ ни съ нимъ самимъ, ни съ кѣмъ другимъ не говорила ни слова.

Такимъ образомъ Княгиня жила въ тюрьмѣ своей три года и шесть мѣсяцовъ, одна безъ всякаго облегченїя и утѣшенїя. У ней былъ братъ Графъ Б***, которой за полгода до несчастїя, съ нею случившагося, поѣхалъ въ чужїе края. Онъ былъ человѣкъ съ достоинствами,



весьма хорошаго расположенїя, и равно любилъ свою сестру и зятя. Иногда писалъ онъ къ М***, и Князь получая его письма, дружески спѣшилъ ему на оныя, однакожъ не упоминая ни словомъ о разрывѣ своемъ съ супругою Онъ съ нетерпѣливостію ожидалъ его возвращенїя, дабы открыть ему свою печаль.

Наконецъ пришло сїе желанное время, и Графъ послѣ четырехлѣтняго отсутствїя, возвратился въ

свое отечество. Князь, увѣ-
домленъ будучи напередъ
о времени его пріѣзда,
ожидалъ его ежеминутно.
Проливая слезы въ объятіи
искренняго друга, нахо-
димъ облегченіе въ горе-
сти. Князь такого утѣше-
нія не имѣлъ еще; онъ
искалъ себѣ друга между
родственниками Княгини.
Для сохраненія добраго ея
имени, говорилъ онъ сво-
имъ знакомымъ, что она
по слабости своего здо-
ровья живетъ въ деревнѣ,

и что онъ всякой мѣсяцъ къ ней ѣздитъ.

Графъ пріѣхалъ прямо въ домъ къ Князю. Вышедъ изъ коляски, бросился обнимать зятя своего, которой его цѣлуя обливалъ слезами и вздыхалъ. Графъ въ удивленіи со страхомъ спрашиваетъ о сестрѣ своей, не видя ея нигдѣ; но Князь отъ слезъ ничего отвѣчать не могъ. Сіе еще умножило безпокойство брата, и онъ вскричалъ: ахъ! сестра умерла? Нѣтъ,

сказалъ тогда Князь вздыхаючи, она еще жива; но умерла для меня; она меня посрамила; я сослалъ ее въ деревню, и разлучась съ нею на вѣки, сталъ я несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ!...

Графъ былъ симъ опечаленъ, но не могъ повѣрить, чтобъ сестра его нарушила долгъ свой, и помолчавъ немного, говорилъ: какъ! сестра моя невѣрна? Ахъ! Князь, увѣренъ ли ты въ этомъ? — Слиш-

комъ увѣренъ къ моему несчастїю, отвѣчалъ онъ!.. Тогда обстоятельно разсказалъ ему, что слышалъ при исповѣди своей супруги; описалъ ему ярость, въ какую невѣрность ея привела его, какое себѣ дѣлалъ принужденїе, дабы въ бѣшенствѣ своемъ не пожертвовать ею своему мщенїю, и что намѣренъ оставить ее на всю ея жизнь въ заключенїи. И такимъ образомъ успѣлъ увѣрить шурина своего,

что онъ справедливо поступилъ.

Графъ одобрилъ его поступокъ, и считалъ, что за такое оскорбленїе онъ еще мало наказываетъ; но любя сестру свою, изъ сожалѣнїя къ ней, оплакивалъ судьбу ея. Пожертвовавъ нѣсколько минутъ своей нѣжности, обнялъ Князя, и говорилъ ему: что когда сестра его забыла долгъ свой, то никакой женщинѣ не льзя вѣрить, и потому рѣшился никогда

не жениться, а хочетъ всю жизнь свою провести съ нимъ, раздѣляя его горести.

Общество Графа, его дружба и стараніи его развеселять, были для Князя великимъ утѣшеніемъ. Ежедневно открывалъ онъ сердце свое своему другу; ежедневно говорилъ ему, что всегда думаетъ о своей супругѣ, что ее и любитъ и ненавидитъ, обожаетъ и презираетъ, и что сердце его безпрестан-

но терзается. ГрафЪ его слушалЪ, жалѣлЪ объ немЪ и облегчалЪ его страданїе, проливая слезы вмѣстѣ съ нимЪ. Но жалѣя о зятѣ своемЪ, тайно соболѣзновалЪ и о сестрѣ. Подумавъ хорошенько, находилЪ положенїе ея ужаснымЪ, и тогда она не выходила у него изЪ мыслей. Зять ему сказывалЪ, что онЪ въ началѣ каждаго мѣсяца на нѣсколько дней ѣздитЪ въ деревню; то ожидалЪ онЪ съ великимЪ нетерпѣнїемЪ

Іюня мѣсяца, надѣясь вмѣстѣ съ нимъ ѣхать. Онъ намѣренъ былъ выпросить позволеніе побывать у сестры, поговорить съ нею, и постараться представить ее не столь виновною въ глазахъ ея мужа, и естьли можно, примирить ихъ; естьлижъ это не удастся, то сдѣлать то, чтобъ сестра была освобождена изъ этой тюрьмы и отдана въ какой нибудь монастырь, гдѣ она, по крайней мѣрѣ, бу-

детъ не одна. Она такъ достойна любви, думалъ онъ, что всѣ монахини должны будутъ ее любить; а будучи воспитана въ истинномъ благочестіи, конечно есть еще въ ней добрыя сѣмена, изъ которыхъ всѣ добродѣтели въ сердцѣ ея опять произрастутъ. Онъ не смѣлъ мысли свои объявить зятю, опасаясь лишиться его дружбы; однакожъ какъ онъ ни скрывалъ свое предпріятіе, но Князь нѣсколько

о томъ догадывался. Онъ не былъ столько несправедливъ, чтобъ сталъ хулить за то своего шурина; но считалъ себя столько несчастнымъ и такъ обиженнымъ, что желалъ, чтобъ жалѣли объ немъ только. — 1 Іюня Графъ поутру уже говорилъ о поѣздкѣ въ деревню; но зять его отложилъ ее на недѣлю Хотя Графъ нетерпѣливо желалъ ѣхать, но не подавалъ никакого виду, а по прошествіи недѣли

опять напомнилъ о томъ. Князь и тогда отсрочилъ поѣздку, говоря, что хочетъ напередъ праздновать имянины сына и свои. Молодой Князь два года уже былъ въ пансїонѣ, и въ этотъ день всякой годъ брали его домой. Я не хочу, говорилъ Князь Графу, сына моего лишить такой ему пріятной радости; онъ у меня одинъ милой залогъ нѣжнѣйшей и несчастнѣйшей любви. И такимъ образомъ онъ еще на

нѣсколько дней отложилъ ѣхать въ деревню.

Хотя эта другая отсрочка и непріятна была Графу, но онъ ничего не говорилъ, а хотѣлъ между тѣмъ говорить о своей сестрѣ, дабы постараться Князя склонить къ сожалѣнію объ ней. Однажды говорилъ онъ ему: сестра привыкла къ тому, что ты въ началѣ каждаго мѣсяца пріѣзжаешь въ деревню; то не должно ли опасаться, что она будетъ

безпокоиться, когда ты такъ долго не ѣдешь; она тебя всегда столько любила что не можетъ быть равнодушна въ разсужденіи состоянія твоего здоровья. Князь немного огорчась, отвѣчалъ ему, что безпокойство жены его не льзя сравнить со всѣми страданіями, которыя она ему причинила. Послѣ сего залился онъ слезами.

Графъ по сему всѣ жестокіе поступки своего зятя съ его сестрою дол-

женъ былъ приписать силѣ любви его. Онъ не отвѣчалъ ни слова, а всего надѣялся отъ толь нѣжнаго сердца. Но нечаянной счастливой случай и безъ того открылъ Князю глаза и вывелъ его изъ заблужденія.

Молодой Князь въ день своихъ именинъ пріѣхалъ съ учителемъ своимъ къ отцу. За обѣденнымъ столомъ сынъ болѣе обыкновеннаго безъ всякаго къ тому повода, говорилъ о

своей родительницѣ. Ему тогда совершилось десять лѣтъ. Онъ говорилъ, что матушка очень долго не пріѣзжаетъ; конечно деревенской воздухъ ей вреденъ, когда она такъ долго больна; ему бы де хотѣлось ее опять увидѣть, и показать, какъ онъ пишетъ. Говоря сіе, вынулъ изъ кармана переводъ свой, которой онъ съ прилѣжанїемъ переписалъ на бѣло и показывалъ его отцу и дядѣ. Всѣ его слова терза-

ли сердце родительское и пріятны были Графу, которой однак жъ изъ уваженія къ зятю своему, зачалъ совсѣмъ другой разговоръ. Ввечеру часу въ шестомъ Князь и Графъ ходили съ молодымъ Княземъ и съ учителемъ прогуливаться, а черезъ часъ сынъ поѣхалъ опять въ пансіонъ. Графъ же съ Княземъ продолжали свою прогулку, избѣгая такихъ мѣстъ, гдѣ много народу. Они встрѣтились съ од-

нимъ священникомъ, которой поклонился Князю. Онъ взглянувъ на него и отворотясь, заплакалъ и говорилъ Графу: ахъ, любезной Графъ! это духовникъ моей жены; ему-то открыла она свою невѣрность; какъ трогаетъ меня видъ его! Потомъ отеревъ слезы, продолжалъ: пойдемъ за нимъ; я скажу ему, что знаю свое несчастїе; онъ будетъ молчать, но самое это молчанїе меня оправдаетъ.

Послѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ привѣтствій, Князь спросилъ священника: не удивляется ли онъ, что давно уже не видитъ Княгини? Онъ отвѣчалъ, что не удивляется тому, думая, что Ея Сіятельство конечно выбрала себѣ другаго духовника, и хотя ему то по причинѣ отмѣннаго его къ ней почтенія и уваженія и прискорбно, но онъ въ разсужденіи ея всегда такихъ же мыслей, какъ и прежде.

Князь не зналъ, что ему на это сказать, будучи тѣми словами разсерженъ и опечаленъ. Съ неудовольствіемъ говорилъ онъ священнику, что не понимаетъ, какъ онъ говоритъ такъ о той особѣ, которая сама призналась ему въ непорядочномъ своемъ поведеніи. Священникъ удивленъ будучи такими рѣчьми, просилъ Князя сказать ему, что это значитъ. Князь съ жаромъ говорилъ ему, что похваляетъ его

скромность; но она не
кстати, когда онъ уже
все знаетъ; и тотчасъ раз-
сказалъ ему, что слышалъ
во время исповѣди своей
супруги. Священникъ тѣмъ
чувствительно былъ тро-
нутъ; возведя глаза свои
къ небу, обратилъ ихъ на
Князя, и говорилъ ему:
„Ахъ, Ваше Сіятельство!
„въ какомъ вы заблужде-
„нїи! Вы приписываете
„Княгинѣ то произше-
„ствїе, о которомъ она
„мнѣ сказывала! Какъ

„вы несправедливы? Спо-
„собна ли она къ такой не-
„вѣрности? Нѣтъ другой
„такой женщины, кото-
„рая бы такъ любила сво-
„его мужа, какъ Княгиня.
„Я теперь долженъ вамъ
„открыть всю тайну. Такъ
„извольте знать, что не
„супруга ваша, а горнич-
„ная ея дѣвушка имѣла
„непозволенное знаком-
„ство. Она любила пле-
„мянника вашего управи-
„теля, котораго всякой
„день пряпала въ уборной

„комнатѣ Княгини, а вве-
„черу провожала черезъ
„маленькую лѣстницу. Ща-
„дя вашего управителя,
„Ея Сіятельство не хотѣ-
„ла вамъ объявить причи-
„ны, ради чего ссылаетъ
„она свою дѣвушку; потто-
„му что управитель не
„виноватъ былъ въ про-
„ступкахъ своего племян-
„ника, и для того хотѣла
„она его избавить отъ ра-
„шихъ упрековъ. Совѣст-
„ность Ея Сіятельства
„побудила ее открыть мнѣ

„о семъ дѣлѣ; ибо она „упрекала себѣ, за чѣмъ не „оставила у себя шу дѣ- „вушку, дабы возвратишь „ее опять къ добродѣ- „шели.„

Такое объясненїе слишкомъ доспаточно было открыть глаза Князю; и онъ тотчасъ вспомнилъ, что недавно управительской племянникъ женился на бывшей горнишной дѣвушкѣ супруги его. Ужасное отчаянїе тогда стало его мучить. Какъ я несчасти-

ливъ, говорилъ онъ, давъ волю течь слезамъ своимъ! сколько времени страждетъ супруга моя отъ заблужденія моего! Потомъ оборотясь къ Графу, говорилъ: поспѣшимъ, Графъ, освободить ее изъ тюрьмы, и схватя шурина своего за руку, тащилъ съ собою, не давъ ему времени раскланяться со священникомъ, и не поблагодаривъ его самъ.

Немедленно приказалъ онъ заложить коляску.

Тщетно уговаривалъ его Графъ подождать до утра, или, по крайней мѣрѣ, передъ отъѣздомъ отужинать; онъ принужденъ былъ уступить нетерпѣливости Князя, которой погруженъ былъ въ крайнюю печаль.

Между тѣмъ какъ закладывали лошадей, Князь вспомнилъ о письмѣ своей супруги. Къ несчастію моему, говорилъ онъ своему шурину, избѣгалъ я всякаго объясненія и удалялъ отъ

себя истинну. Я помню, что Княгиня прислала мнѣ письмо, въ которомъ слова вышиты шелкомъ, и я его совсѣмъ не читалъ. Она приказывала просить у меня перьевъ и чернилъ, чѣмъ бы ей писать ко мнѣ; и я былъ столько жестокъ, что отказалъ ей въ томъ. Говоря сїе, вынулъ онъ письмо; хотѣлъ его прочесть, но глаза его затмились слезами и вздохи прерывали голосъ; почему Графъ принужденъ былъ

прочесть ему письмо. Оно еще умножило мученїе Князя, которой былъ такъ жалокъ, что шуринъ его, вмѣсто упрековъ за несправедливой поступокъ съ его сестрою, долженъ былъ всячески стараться его утѣшить. Онъ даже употребилъ къ тому самыя слова письма, увѣряя его, что онъ только своимъ заблужденїемъ виновенъ противъ супруги, а строгостїю своею доказалъ ей свою любовь. Но все его

краснорѣчїе было безполезно ; Князь признавался вЪ своей винѣ ; признавался , что онЪ былЪ безчеловѣченЪ, несправедливЪ, жестокосердЪ , и не переставалЪ дѣлать себѣ жесточайшїя упреки.

ВЪ девять часовЪ сѣли они вЪ коляску. ВыѣхавЪ за городЪ , ГрафЪ сколько можно старался его утѣшить, но все было напрасно. Князь только вздыхалЪ , плакалЪ и рыдалЪ , не говоря ни слова. Изрѣд-

ка только возклицалъ онъ: о моя супруга! . . . обожанїя достойная супруга! . . . какая добродѣтель! . . . какое терпѣнїе ! . . . какая кротость ! . . .

Не удивляйся тому, говорилъ ему его шуринъ; невинность есть мать терпѣнїя, кротости и твердости. Во всю дорогу Князь былъ въ мучительнѣйшемъ безпокойствѣ, которое еще умножилось отъ дальности пути.

Между тѣмъ какъ они туда ѣхали, то въ сердцѣ Княгини происходили особенныя чувствованія. Двѣ недѣли уже съ часу на часъ ожидала она Князя, и стала безпокоиться. Такъ какъ день былъ жаркой, то она послѣ ужина сѣла къ окошку, и сидѣла тутъ болѣе двухъ час къ. Она думала только о супругѣ своемъ. Ложась спать, воображала она его, и сердце ея преисполнено было любви и жалости къ нему. Въ пер-

вомъ снѣ своемъ кажется ей, что онъ ее зоветъ. Она пробужается, садится, слушаетъ; не слышитъ ничего, ложится опять и засыпаетъ. Въ полночь опять думаетъ она, что слышитъ его голосъ. Опять напрасно вслушивается, и говоритъ сама себѣ: эта мечта происходитъ отъ того, что я засыпая думала объ немъ; и такъ опять ложится. На разсвѣтѣ въ третій разъ слышится ей голосъ супруга. Она опять пробу-

жается и безпокоится; сны свои почитаетъ худымъ предвѣщаніемъ, опасаясь, чтобъ супругу, ей еще все любезному, не приключилось что нибудь непріятное. Она воображаетъ, что боленъ, или уже умеръ, и что тѣнь его является ей, прося прощенія у нее. Соскоча съ постели, бѣжитъ къ окну, отворяетъ, видитъ зарю утреннюю и рѣшится одѣться и ожидать, что можетъ случиться. Отворяетъ дверь

въ переднюю свою комнату, дабы услышавъ звонъ колокольчика, могла тотчасъ подбѣжать къ окну, въ дверяхъ сдѣланному, и садится прямо противъ тѣхъ дверей. Въ мысляхъ колебалась она между страхомъ и надеждою; сердце ея бьется; она дрожитъ, вздыхаетъ и проливаетъ слезы.

Въ это время приближается Князь къ деревнѣ, видитъ верьхи башенъ своего дому; коляска мчится,

но для его желаній слишкомъ медленно ѣдитъ; сердце его рвется; духъ его почти отдѣляется отъ тѣла чтобъ упредить его. Наконецъ онъ пріѣзжаетъ; выскочивъ изъ коляски, самъ три раза очень крѣпко стучитъ у воротъ. Княгиня то слышитъ и трепещетъ! . . .

Едва вошелъ онъ въ домъ, какъ бѣжитъ къ тюрьмѣ своей супруги, которая вмѣсто звону колокольчика, черезъ три года послѣ

родовъ своихъ въ первой разъ слышитъ, что дверь отворяется. Обративъ туда глаза свои, въ минуту видитъ передъ собою своего супруга, которой не обнимаетъ ее, но къ ногамъ ея бросается, проливая слезы, рыдая и воздыхая, не говоря ни слова. По сему узнаетъ она, что онъ удостовѣрился о невинности ея; хочетъ поднять его, но не имѣвъ столько силы, бросается сама къ нему и обнимаетъ его.

Въ такомъ положенїи нашелъ ихъ Графъ, вошедъ въ комнату послѣ, не успѣвъ итти за Княземъ. Княгиня увидя его, отъ удивленїя и радости вскричала: ахъ, братецъ! братецъ! такъ ты мнѣ возвратилъ сердце моего супруга! . . . Графъ поклонясь, поцѣловался съ сестрою и поднялъ нѣжныхъ супруговъ.

Князь держа въ объятїяхъ супругу, бросается къ дверямъ: уйдемъ, уйдемъ

изъ такого ужаснаго мѣ-
ста, которое напоминаетъ
мою жестокость, мое без-
человѣчїе! Чтобъ оно было
сломано, разорено, дабы
мнѣ его никогда не ви-
дѣть. Онъ черезъ нѣскол-
ко часовъ послѣ сего гово-
ря съ прикащикомъ, по-
вторилъ сїе приказанїе;
но Княгиня заставила его
отмѣнить оное, говоря ему
дружески и рѣшительно,
что она не хочетъ, чтобъ
сломать ту часть дома,
гдѣ имѣла безцѣнную ра-

дость, гдѣ онъ возвратилъ ей сердце свое и черезъ три года и семь мѣсяцовъ въ первой разъ обнялъ ее.

Когда Князь привелъ Княгиню въ гостиную комнату, то снова хотѣлъ пасть къ ногамъ ея, изъявляя раскаяніе свое; но она его не допустила до того, и просила не нарушать ея радости напрасными жалобами. Сидя возлѣ него, обняла его одной рукой, а другою отирала

платкомъ своимъ слезы, имъ проливаемыя. Тогда Графъ сказалъ, что ему, кажется, пора позавтракать, когда они припомъ вчера не ужинали. Князь одобрилъ его мнѣнїе, и вышелъ, чтобъ приказать, что нужно; а Княгиня между тѣмъ говорила своему брату, что опасаясь причинить супругу своему новую печаль, не смѣла его спросить о своихъ дѣтяхъ, а особливо о дочери. Жива ли она, спрашивала она его?

Не случилось ли съ нею какого несчастія? Даетъ ли ей Князь все нужное? Все ли онъ еще ее ненавидитъ? Какъ страшусь я отвѣта на мои вопросы! . . .

Братъ ея въ немногихъ словахъ сказалъ ей, что сынъ ея здоровъ, дочь жива, и Князь все нужное ей доставлялъ; но какъ онъ теперь объ ней мыслитъ, когда уже знаетъ, что она его дочь, о томъ онъ неизвѣстенъ.

Послѣ сего отвѣта просила она его объявить ей причину немилости ея супруга, и кому она обязана его примиренїемъ. Онъ скоро разсказалъ ей обо всемъ. Когда Князь возвратился, то она старалась только его развеселить. Онъ съ восхищенїемъ и стыдомъ принималъ ея ласки, и признавался, что онъ счастливѣйшїй человѣкъ, имѣя такую супругу, но чувствуетъ, сколько недо-

стоинѣ ея. Потомѣ стали завтракать.

Отобѣдавѣ также пораньѣе, тотчасѣ поѣхали вѣ М * * *, куда прибыли вѣ девятомѣ часу вечера. На другой день Князь и Княгиня встали рано: Княгиня для того, чтобѣ сдѣлать распоряженїя вѣ томѣ, что безѣ нее пришло вѣ безпорядокѣ; а Князь для исполненїя своихѣ намѣренїй, предпринятыхѣ имѣ сѣ вечера. На-

напредъ поѣхалъ онъ въ пансіонъ за сыномъ своимъ, гдѣ заплатя деньги за него, взялъ съ собою домой. Потомъ заѣхалъ къ духовнику Княгини, для извѣщенія ему своей благодарности и увѣдомленія его о возвращеніи ея. Возвратясь опять домой, нашелъ онъ сына своего въ объятіяхъ его родительницы. Онъ сказалъ шурину, что опять ѣдитъ со двора, и не прежде будетъ, какъ къ обѣду. Потомъ сѣвъ въ

коляску, поѣхалъ въ село Н * * *, гдѣ была дочь его. Онъ останавливается передъ избою кормилицы; входитъ къ ней и видитъ дочь свою съ прекраснѣйшимъ личикомъ, со всѣмъ его портретомъ, въ крестьянской одеждѣ, въ лапткахъ и въ рукѣ кусочикъ чернаго хлѣба. Она встрѣчаетъ его, крича ему: тятя, тятя! Кормилица всегда ей говорила, когда видѣла господъ, что тятя ея такой же баринъ. Серд-

це его было тронуто; онъ беретъ дитя на руки и неоднократно цѣлуетъ. Потомъ говоритъ кормилицѣ и мужу ея, что возьметъ дочь свою съ собою. Добрые эти люди заплакали. Онъ утѣшилъ ихъ, давъ имъ кошелекъ съ двадцатью пятью рублями, и тогда сѣлъ съ дочерью въ коляску, не давъ даже кормилицѣ времени одѣть ее получше.

Оттуда поѣхалъ къ священнику, которой, сколь-

ко могъ, помогалъ своей крестницѣ; но онъ былъ бѣденъ и благотворителенъ. Князь ему далъ сто рублей для бѣдныхъ, говоря, что это самая малость, что онъ сдѣлать можетъ, благодаря Бога за милость, ему посланную, что онъ получилъ случай узнать свою несправедливость противъ жены и дочери, и исправить ее, и что впередъ намѣренъ оказать опытны своей признательности. Священникъ пищет-

но старался уговорить Князя позавтракать у него; ибо онъ ничего еще не ѣлъ и рано всталъ; но онъ говорилъ, что его питаетъ восхитительная радость. Когда священникова сестра дала маленькой Княжнѣ сухарикъ, то она потчасъ положила кусокъ чернова хлѣба, которой былъ у нее въ ручонкѣ. Князь его взялъ и положилъ въ карманъ, говоря, что онъ этотъ кусокъ, лапатки и платьишко бе-

режно будетъ хранить, какъ памятникъ, которой въ сердцѣ его будетъ сохранять сильнѣйшую любовь къ его супругѣ и дочери.

Въ М*** пріѣхалъ онъ часомъ позже, нежели думалъ. Его дожидались обѣдать. Вышедъ изъ коляски, взялъ онъ дочь на руки, понесъ къ матери и подаетъ ей. Княгиня съ чувствомъ признательности начинаетъ напередъ цѣловать супруга, потомъ

прижавъ дочь къ сердцу, обливаетъ ее слезами.

Князь давъ супругѣ своей время изъявить чувства сердца своего, сказалъ, что онъ привезъ дочь свою такъ, какъ ее нашелъ, дабы она ей тѣмъ была милѣе; что бѣдное ея платьишко, лапшки и этотъ кусочикъ хлѣба, вынимая его изъ кармана, всегда ему будутъ напоминать его поступокъ; что онъ очень дурно дѣлалъ,

когда могъ ее оставить; что сердце его сокрушается, когда подумаетъ, что послѣ рожденія ея онъ ни разу не видалъ ее; что естьли бы онъ въ личикѣ этой милой крошки увидѣлъ свои черты, то ему бы не возможно было не признать ее своею кровію, и притомъ усмотрѣть невинность обожанія достойнѣйшей супруги . . . Княгиня тутъ его перебила, говоря, что не хочетъ, чтобъ еще говорили о про-

шедшемъ, развѣ только для того, дабы сказать, что супругъ ея не переставалъ ее любить; что она довольна пѣмъ, видя, что дочь ея здорова. Она просила брата своего, чтобъ онъ позволилъ ее въ крестьянскомъ платьѣ посадить за столъ. Князь и Княгиня посадили ее между собою, и она за обѣдомъ была предметомъ ихъ попеченій и нѣжности.

Съ того времени это дитя сдѣлалось любимицею отца и матери. Князь называлъ ее своею милою изгнанницею, и никогда не говорилъ это слово безъ чувствованія любви и нѣжности къ супругѣ и дочери.

КОНЕЦЪ.

Bound in 1747

ОИК-11747